

Галина Педаховская

Платье от мадам Ивио

Середина пятидесятых... Окончена школа... За ее дверьми остались любимые и нелюбимые учителя, пристальное внимание комсомольской организации и многолетняя классная общность.

Реальная жизнь подступила к нам вплотную. Далее пути наши расходились: разные возможности – интеллектуальные и социальные, уровень взлелеянной мечты и характер. Но был один пустяк, который порадовал нас всех. Мы сняли опостылевшие коричневые платья и прилагавшиеся к ним черные фартуки. Если можно было согласиться с черным фартуком – перьевые ручки, чернильницы, мел у доски, – то белые фартуки с их кружевами и бантиками, которые принято было надевать на праздничные встречи, классные посещения театров и музеев, выглядели нелепо. В них мы напоминали гостиничных горничных или официанток кафе, которые вот-вот приступят к работе.

Преодолев тревоги и волнения вступительных экзаменов, поступила в институт, и начался новый этап моей жизни. Я решила обозначить свою взрослость новой одеждой. Недолго думая, отправилась в магазин с незамысловатым названием «Готовая одежда». Окинув взглядом предлагаемое, я вспомнила недавно прочитанный фельетон Ильфа и Петрова, посетивших аналогичный магазин в еще довоенной Москве. Описывая цветовую гамму его содержимого, авторы перечислили все сочетания серого и черного и завершили этот перечень восхитившим меня пассажем: «...и тот цвет, который в старину назывался «сон разбойника». В одесском магазине тоже был сплошной «сон разбойника».

Но как ни странно это звучит, в магазине «Ткани» был чудесный выбор: крепдешины, шифоны, различные крепы, шерстяные ткани и даже панбархат, который, я считала, подходил пожилым женщинам после тридцати лет.

Следующий поход был в ателье индивидуального пошива одежды. Там закройщицы с царственно неприступными лицами, ссылаясь на свою занятость, предлагали прийти месяца через три. Но в то время существовали частные портнихи, которые тайно шили на дому, до дрожи опасаясь фининспекции. В Одессе их называли модистками, что предполагало быстроту и качество. Нашлась такая и для меня.

Оставался пустяк – фасон. Хотелось получить платье легкое, воздушное и оригинальное. Журнал «Работница» на последних страницах размещал фасоны одежды в соответствии со своим названием, напоминая производственную. Рижский журнал мод «Силуэт» еще не выпускался или еще не доходил до Одессы, а от простенького немецкого журнала «Burda» нас отделяла целая эпоха.

Мои поиски совершенства, как видно, утомили мою модистку, и она нерешительно посоветовала:

– Может, ты пойдешь к мадам Ивио?..

– А кто это? – удивилась я.

– Ну как сказать, там ты обязательно найдешь фасон, который ищешь.

Всплыл и адрес: она жила на улице Советской Армии, в квартале между улицами пламенных революционеров Розы Люксембург и Карла Либкнехта – напротив дома Папудова и Соборной площади. Квартал этот был мне хорошо знаком – моя школа была как раз напротив Соборной площади. Площадь, конечно, в то время имела другое название, но его никто не употреблял, отдавая дань памяти взорванному в начале тридцатых годов собору, располагавшемуся на ней.

Наше школьное здание, построенное в довоенные годы, было типовым сооружением. Таких в городе было несколько – просторные классы, широкие коридоры, кабинеты для внеклассных занятий. В нем было все для комфортной школьной жизни. Но в первые послевоенные годы все было иначе: на первых двух

этажах располагалась наша женская школа № 58. Мы входили по парадной лестнице, которая была напротив Соборной площади. Вторым входом, со стороны улицы Толстого, пользовались ученики англо-украинской школы № 121, находящейся на третьем этаже здания. А на четвертом этаже была музыкально-общеобразовательная школа имени Столярского. Ее родное здание, разрушенное во время войны, еще не было восстановлено.

Наш класс находился на втором этаже, его окна выходили на ту часть площади, где когда-то стоял собор. В нашей семье его иногда вспоминали не только как исчезнувшую достопримечательность. Построенный еще в середине девятнадцатого века, он несколько обветшал, и в первое десятилетие нового столетия началась его реставрация. Мой дед со стороны отца Лука Петрович был наделен скромным живописным дарованием. Он принимал участие в воссоздании интерьера собора, и за эту работу был удостоен звания «Личный почетный гражданин города», что изменило его общественный статус и приоткрыло некие перспективы.

Картина за окном нашего класса изменялась под диктовку времени. В сорок четвертом году на том месте, где ранее возвышался собор, были захоронены солдаты, погибшие при освобождении Одессы. Через несколько лет в одну ночь могилы исчезли. Место было огорожено, и начались продолжительные работы. В результате появилась скульптура: Сталин, сидящий на скамейке. А у ног его возникло растительное панно из аккуратно подстриженного вечнозеленого кустарника, который был высажен правильными рядами, изображающими лесозащитные полосы. В то время они считались надежным способом оберегать от суховея и удерживать осадки, что должно было обеспечить повышение урожайности. Идея полос, как принято было считать, принадлежала Сталину. После его смерти и скульптура, и панно были уничтожены. Остался обычный газон.

Соборная площадь была частью нашей школьной жизни. В связи с перенаселенностью здания у нас не было спортивного зала. Зимой занятия физкультурой проходили в вестибюле, а весной и ранней осенью – на Соборной площади. Одна из аллей предназначалась для бега, на ней были отметки – сто, сто пятьдесят и двести метров. На большее мы не замахивались.

В средних классах, с пятого по седьмой, мы учились во вторую смену. В хорошую погоду мы приходили на Соборную площадь за полчаса, а то и за час до начала уроков. Встречались у памятника графу Воронцову. Обсуждали школьные новости, пересказывали кинофильмы, обменивались прочитанными книгами, фотографиями артистов – модное в те годы увлечение – и переводными картинками. Прибегали мальчишки из соседней школы № 47. Мы с настороженностью, как щенки разных пород, случайно встретившиеся на прогулке, знакомились, неуверенно выискивая темы для общения.

А Соборная площадь жила своей жизнью. Неподалеку от нас привычно спорили футбольные болельщики, иногда переходя к непринципиальным потасовкам. На скамейках с сосредоточенными лицами сидели шахматисты. Для некоторых из них шахматы были не только гимнастикой ума, но и источником заработка – играли на деньги.

Когда до начала уроков оставалось несколько минут, на верхнюю площадку лестницы выходила наша техничка тетя Даша и звоном колокольчика оповещала, что пора бежать в школу.

Уроки на второй смене оканчивались в семь часов вечера. В зимние месяцы в это время было темно. На улицах Горького и Островидова, по которым мне надо было идти домой, темнели огороженные заборами развалины разбомбленных во время войны домов. Они казались зловещими и опасными, и, вероятно, такими и были. Родители настаивали, чтобы я возвращалась по улице Советской Армии, которая всегда была освещена и многолюдна. Как видно, мои родители были не одиноки в своих опасениях, и поэтому каждый вечер мы собирались стайкой, шесть-семь девчонок, и отправлялись в сторону этой безопасной улицы. От школы к ней вела прямая короткая аллея, на которой по вечерам стояли девушки «с пониженным уровнем социальной ответственности», как принято говорить сегодня. Несмотря на свое малолетство, мы понимали, чем они занимаются, и воспринимали их как обязательный атрибут вечерней Соборной площади.

Одна из них с насмешкой неизменно задавала не требующий ответа вопрос:

– Ну, чему вас научили сегодня в школе?..

Другая же, как видно, с нереализованным материнским инстинктом, в холодные зимние вечера советовала застегнуть верхнюю пуговицу пальто или потуже затянуть шарф.

А мы поворачивали направо, в сторону Тираспольской площади, и вливались в поток пешеходов, возвращающихся с работы.

И вот я сегодня снова оказалась в таком знакомом мне квартале. Во дворе я увидела возле одного из крылечек группку сидевших на табуретках и скамеечках женщин в цветастых байковых халатах. Одна из них, не ожидая вопроса, сразу протронула причину моего появления и махнула рукой, указывая вглубь двора:

– Вам туда...

Дверь открыла хрупкая женщина, которой можно было с одинаковой степенью недоверности дать и двадцать пять лет, и пятьдесят – время стерло с ее лица все краски и приметы возраста.

– Проходите, – прошелестела она.

Женщина проводила меня в большую комнату, где доминировал стол с грудой журналов разной степени потрепанности. В торце стола на жестком широком стуле с подлокотниками сидела хозяйка – мадам Ивио. Не отвечая на мое приветствие, она почти незаметным жестом указала мне место за столом. Ее внешность удивила меня: она сидела на стуле, заполняя его своей бесформенной массой, напоминавшей дрожжевое тесто, переливающееся через край отведенной ему емкости. Лицо мадам Ивио с обвисшими щеками и подбородком оживляли светло-карие глаза – пронизательные, умные и, как мне показалось, равнодушные к той суете, что царил в комнате.

На противоположном конце стола сидели три женщины. Они листали журналы мод, перешептывались и всячески пытались привлечь внимание мадам Ивио, видимо, надеясь получить от нее совет. Одна из них показывала ей выбранный в журнале фасон. Ответ был лаконичен и категоричен:

– Этот фасон не для вас.

Другая принесла с собой отрез ткани. Мадам Ивио отвергла и ее выбор:

– Этот фасон не для вашей ткани.

Положительный ответ давался после некоторых раздумий и как бы неохотно:

– Ну пожалуй...

Ознакомившись с этой несколько странной процедурой, я сосредоточилась на журналах, французских и итальянских, относительно свежих – трех последних лет. Каким образом они попадали к ней? Привозили моряки, плавающие за границу? Присылали родственники, живущие в Европе, на что намекала ее фамилия? Вопросов я, конечно, не задавала, да, впрочем, меня это не интересовало, хотя и удивляло. Хорошо помнила фразу, давно написанную Ильфом и Петровым, которая оставалась верной для нашей страны на все времена: «...последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана».

Я быстро выбрала два понравившихся мне фасона, и далее начался заключительный акт представления.

– Римма! – позвала мадам Ивио.

Еще не успел отзвучать ее голос, как из глубины квартиры появилась уже знакомая мне женщина. Казалось, что она стояла тут же, за дверью. А может быть, так оно и было. Она молча взяла журнал, включила мощную лампу над письменным столом, стоящим в углу комнаты. На выбранный фасон она положила небольшой листок кальки и перьевой ручкой, обмакнув ее в тушь, перенесла на кальку контуры платья и некоторые детали кроя. Затем с помощью бельевой прищепки подвесила рисунок на шпагат, который был натянут под лампой. Через несколько минут процесс обретения фасона был окончательно завершен: Римма сняла подсохший рисунок и с обратной стороны закрасила контур платья акварелью, кое-где положив более густой тон, – и рисунок стал объемным и более наглядным. И каждая такая копия из журнала стоила пятнадцать рублей – это было недешевое удовольствие. Для сравнения: в те годы курица на Привозе стоила столько же.

Я выискивала фасоны у мадам Ивио еще года два-три. Молчаливый ритуал создания фасона оставался неизменным. Принимая условия игры, я не задавала вопросов, не спрашивала совета, и все общение ограничивалось двумя словами – приветствием

и прощанием. Мое еще полудетское тщеславие тешилось тем, что моя одежда отличалась от того, что носили окружающие. А когда в театре незнакомая женщина спросила, где я шила свое платье, я почувствовала себя на вершине высокой моды, хотя это понятие в то время еще не бытовало.

Прошли десятилетия... Растворились во времени многие страницы нашей жизни. О некоторых вспоминаем с ужасом и надеждой, что они никогда не повторятся, а другие окрашены ностальгической грустью и сожалением, что они никогда не вернуться. Остались в прошлом домашние портнихи и подпольный дом моды. Теперь все можно купить – от произведения стамбульской барахолки до туалетов Версаче и Армани. А в душе тлеет вопрос: что доставляло большее удовольствие – современная доступность любой одежды или платьице, сшитое по фасону, подсмотренному у мадам Ивио, в котором так хорошо было пройтись майским вечером под цветущими акациями – символом нашего города?

Дюссельдорф

